

Чжао Тин молча опустил голову. С тех пор как он узнал, что Чжао Шуан взял на себя столько ради него, он жил словно зомби — оцепеневший и погруженный во тьму. Никакой надежды, никаких мыслей о так называемом «будущем». Единственное, чего он хотел, — чтобы его старший брат продолжал жить. Если бы он знал, что Чжао Шуан уже давно сбежал, то тогда бы перед Линь Фэйши он не признался, кто настоящий преступник.

— Ты не участвовал в преступной деятельности Жэнь Чжи и Чжао Шуана, возможно, в тебе еще осталась капля человеческой совести, — произнес Цзян Пэйи, четко выговаривая каждое слово. — Чжао Шуан — убийца. Пока он на свободе, все больше невинных людей будут страдать и погибать. Разве тебе не совестно сидеть здесь?

Чжао Тин содрогнулся, вдохнув воздух, словно ему было стыдно смотреть в глаза. Он прикрыл глаза руками, и его голос стал хриплым:

— Я знаю, что он совершил преступления, знаю, что он причинил боль другим. У меня нет решимости пожертвовать родным братом ради справедливости. Мы с братом выросли вместе, и я просто хочу, чтобы он выжил. Цзян, этот мир слишком велик, я не могу заботиться обо всех. Так же, как никто не смог вернуться в прошлое и спасти нас тогда. Я виноват, но я не могу сострадать другим...

Цзян Пэйи холодно посмотрел на него:

— До сих пор ты продолжаешь списывать поступки Чжао Шуана на судьбу и обстоятельства? В мире есть люди, чьи судьбы были куда трагичнее, но никто не обречен идти по пути преступлений. «Никто не спас» — это не оправдание. Полиция помогает невинным очистить свое имя, но у нас нет обязанности спасать души, погружающиеся в бездну.

Чжао Тин долго смотрел на Цзян Пэйи, а затем горько улыбнулся:

— Да, вы живете такой яркой и непоколебимой жизнью. Как вам понять, что значит быть ничтожным, позволившим себе плыть по течению? Цзян, зачем судить нас с высоты вашего положения... Мой брат просто хотел жить свободно и радостно. Мы стремимся к разному, зачем мерить нас одной меркой?

Линь Фэйши, стоявший рядом, слушал, как Цзян Пэйи с новостной интонацией ведет беседу с Чжао Тин, и невольно провел рукой по лбу.

Цзян Пэйи, безусловно, был умным, его реакция была быстрой, и с профессиональной точки зрения он был отличным следователем. В определенных ситуациях он даже напоминал хамелеона, способного контролировать свои эмоции. Но на самом деле он не подходил для допросов.

Вряд ли какой-либо преступник мог расслабиться под взглядом Цзян Пэйи, а последствия такого напряжения обычно приводили к отговоркам и упрямству. В конечном итоге давление, которое он оказывал, было слишком сильным, доходящим до крайности, и практически невозможно было получить какие-либо полезные сведения.

В понимании Цзян Пэйи мировоззрение человека, однажды сформировавшись, не должно и не может быть изменено другими или внешними обстоятельствами. Как и он сам, который, проведя девять лет под прикрытием в «Черном Грифе», вернулся, сияя, как драгоценный камень. Но на самом деле большинство преступников имеют процесс «из хорошего в плохое», и мало кто рождается безумным маньяком. Прошлое, через которое они прошли, и есть та самая скрытая сила, толкающая их в бездну.

Человек постоянно подвергается воздействию внешних сил.

Если бы Жэнь Чжи не разрушил его жизнь, Чжао Шуан, вероятно, остался бы бедным, но простым юношей, не ступившим на этот путь зла.

Цзян Пэйи помолчал, а затем спросил:

— Чжао Шуан и Жэнь Чжи мирно сосуществовали несколько лет, даже сотрудничали. Почему он внезапно решил убить его?

Чжао Тин тяжело вздохнул:

— Я не знаю, правда не знаю... Брат редко рассказывал мне о своих делах с Жэнь Чжи, он даже не позволял мне жить с ним. Но он всегда ненавидел его, ведь это он разрушил жизнь моего брата...

Говоря это, Чжао Тин, чьи глаза были подобны высохшему колодцу, вновь загорелись ненавистью, и он почти сквозь зубы произнес:

— Жэнь Чжи, этот мерзавец, он заслужил свою смерть.

Линь Фэйши покачал головой, взял альбом с фотографиями и подошел к Чжао Тину:

— Ты знаешь кого-нибудь из этих людей?

На фотографиях были дети, пропавшие без вести в районе Юньцзинь, возможно, связанные с «делом» Чжао Шуана. Чжао Тин быстро пролистал их все и спокойно сказал:

— Нет.

— ...В нормальном состоянии человек моргает в среднем 30–50 раз в минуту, каждое моргание длится около 1/10 секунды. В состоянии напряжения частота моргания увеличивается до 105 раз в минуту. Ты только что моргал гораздо чаще — ты нервничал или, другими словами, лгал, — тихо произнес Линь Фэйши, глядя в глаза Чжао Тину. — С психологической точки зрения, если время моргания превышает 1/10 секунды, это создает эффект «визуального блокирования», что означает, что ты сопротивляешься, внутренне не хочешь видеть этого человека...

Линь Фэйши пролистывал одну фотографию за другой, внимательно наблюдая за малейшими реакциями Чжао Тина. Когда он добрался до фотографии молодого человека, вдруг четко спросил:

— Ты его знаешь?

Чжао Тин вздрогнул, словно испугавшись этого вопроса. Пот выступил на его лбу, и он сжал губы, не произнося ни слова.

— ...Похоже, знаешь.

Чжао Тин молчал, все его тело выражало сопротивление.

— Чжао Тин, твоего брата уже не спасти, его вина доказана. Твое свидетельство не изменит этого. Даже если ты ничего не скажешь, твои глаза, брови, губы, все 44 мышцы твоего лица, даже каждое неосознанное движение тела выдадут тебя, — Линь Фэйши неспешно вернулся на

свое место, слегка приподнял подбородок, уперся локтем в стол и сложил пальцы в форме пирамиды — жест, выражающий уверенность и давление. С легкой улыбкой он продолжил:

— Хотя ты выглядишь спокойным, считаешь, что сохраняешь бесстрастное выражение лица, но твои зрачки сужены, мышцы бедер напряжены, ладони холодные и влажные, вероятно, от пота. Ты знаешь кого-то из этих людей, верно?

Чжао Тин сжал липкие пальцы, его кадык сдвинулся. Взгляд Линь Фэйши был словно скальпель, разрезающий его кожу, вскрывающий череп и вырывающий все, что скрывалось в его мозгу.

В комнате для допросов давление, исходящее от Линь Фэйши и Цзян Пэйи, было разным. Цзян Пэйи излучал ауру превосходства, заставляя людей трепетать и опускать головы. Линь Фэйши же вызывал острое, исходящее из глубины души чувство страха, словно все мысли становились видимыми.

Под двойным давлением этих двоих Чжао Тин, наконец, сдался и указал на троих жертв в альбоме — по его словам, они когда-то короткое время находились рядом с Чжао Шуаном, а затем таинственно исчезли.

Теперь это дело, наконец, дало хоть какой-то, пусть и бесполезный, результат.

Вернувшись в кабинет, Линь Фэйши положил руку на плечо Цзян Пэйи и с теплотой сказал:

— Брат, говорить с Чжао Тинем о морали бесполезно. В комнате для допросов ты не должен учить его, как быть человеком, а должен учить его говорить правду.

Цзян Пэйи не имел большого опыта в допросах и не был так искусен в обмане, как Линь Фэйши. Он действительно не подходил для этой работы. Взглянув на Линь Фэйши, он сказал:

— Не знал, что ты еще и детектор лжи.

— Детекция лжи — такая загадочная штука, вроде бы популярна за границей, но у нас в стране расследования больше основываются на доказательствах, — Линь Фэйши смущенно высунул язык и тихо добавил:

— На самом деле я не изучал микровыражения, все это было просто блефом, и, как ни странно, сработало.

Цзян Пэйи промолчал.

— Хотя анализ микровыражений имеет под собой научную основу, это не просто пустая болтовня, — Линь Фэйши посмотрел вниз и с важным видом продолжил:

— Ты обычно стоишь в позиции «Т», ноги длинные, весь как копьё. Когда ты устаешь и хочешь уйти, носки твоих ног направлены наружу. А сейчас они направлены на меня, значит, тебе нравится со мной общаться.

Цзян Пэйи с сомнением посмотрел вниз и обнаружил, что носок его ноги, ближней к Линь Фэйши, действительно был направлен в его сторону.

Линь Фэйши приподнял бровь и с долей гордости сказал:

— Когда ты разговариваешь с соседом Лао Ваном, носки твоих ног направлены наружу.

<http://bllate.org/book/17716/1655726>